

СОВРЕМЕННЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ЗОМБИ-АПОКАЛИПСИС: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

М.Н. Крылова

Ключевые слова: зомби, апокалипсис, зомби-апокалипсис, апокалиптическая литература, воскрешение.

Keywords: zombie, apocalypse, zombie apocalypse, apocalyptic literature, resurrection.

DOI 10.14258/filichel(2018)2-06

Зомби-апокалипсис – один из литературных жанров, которые применительно к русской литературе можно назвать новыми. Книги о зомби только начали появляться на полках отечественных книжных магазинов, но поклонники фантастики с радостью переключаются на «своих» авторов, пишущих в любимом жанре. И книжная индустрия отвечает на спрос: ряд издательств выпустили даже целые серии, к примеру, серия «Эпоха мертвых» издательства «Альфа-книга» или серия «След зомби» издательства «Эксмо-пресс» и др.

Зомби-апокалипсис – лишь одна из разновидностей жанра апокалиптической литературы как литературы о конце света. Данный жанр далеко не нов, он восходит к древним эпосам самых разных народов об исчезновении нашего мира, к научным и религиозным гипотезам о Судном дне, к текстам Священного Писания и во все времена имел своих авторов и своих читателей. Для понимания особого положения жанра зомби-апокалипсиса в русской литературе необходимо учесть такую особенность русской культуры и цивилизации, как особенное значение идеи воскресения: в России Пасха – праздник более важный, чем Рождество (в то время как на Западе главный христианский праздник – именно Рождество). Пасха показывает, что «цель христиан – это стремление к вечной жизни» [Бальжинимаева, 2015, с. 173]. Большое влияние на философию и культуру России конца XIX – XX веков имели представления Н.Ф. Федорова о возможности и необходимости научного воскрешения предков. Как писал знаменитый философ, «воскрешение же есть полное торжество нравственного закона над физической необходимостью» [Федоров, 2003, Т. 1, с. 131]. Идея воскрешения стала в философии Н.Ф. Федорова основной, воскрешение он понимал «как возвращение “золотого века” человечества, как антипод

рождению и как осуществимый проект» [Бренькова, 2010, с. 316]. Для русской культуры и философии учение Н.Ф. Федорова стало основой идеи практического бессмертия [Шалавин, 2014], воплотить которую в научные концепции пытались И.Д. Панцхава [Панцхава, 1965], Н.И. Трубников [Трубников, 1990] и другие философы. Основой учения Н.Ф. Федорова является представление о неабсолютности смерти, возможности продолжения существования и после нее, прекрасно воплощаемой в современной литературе жанра зомби-апокалипсиса.

Жанр зомби-апокалипсиса имеет прочные основы и в русской литературе [Юрина, 2010]. Нельзя не вспомнить многочисленные произведения русской классической литературы, в которых важна тема воскрешения: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Елеазар» Л.Н. Андреева, «Про это» и «Клоп» В.В. Маяковского, «Котлован» А.П. Платонова и многие другие. Несомненно, современные российские писатели подключают так или иначе контекст классической русской литературы (в том числе советского периода). Некоторые исследователи считают жанр зомби-апокалипсиса связанным с русским символизмом [Яковлев, 2012]. Сегодня этот жанр оторвался от религиозной базы, он реализуется гораздо шире, и не только в книгах, но и в фильмах, в компьютерных играх. Апокалиптические сюжеты притягивают и писателей, и читателей, и жанр все расширяет круг своих поклонников.

Апокалиптические тенденции уже начали изучаться современными учеными, представителями психологии, социологии, философии. Жизненность сюжета, его постоянное присутствие в продуктах культуры требуют осмысления. И.А. Порядин отмечает, что «чем дольше развивается наше знание о мире, тем больше возможных способов исчезнуть, как вид, мы обнаруживаем и изобретаем. Конец Света – один из первых, самый заметный и необходимый элемент катастрофического сознания» [Порядин, 2009, с. 98–99]. По нашему мнению, одним из толчков к бурному взлету апокалиптической литературы в XX веке стало длительное противостояние Востока и Запада во время холодной войны, в ходе которого люди ощутили реальность конца цивилизации, гибели Земли, осознали близость и ежесекундную возможность смерти.

У жанра апокалипсиса много разновидностей, зависящих от того, кто или что становится в творениях фантастов причиной гибели человечества: инопланетное вторжение, эпидемия, искусственный интеллект, ядерная война, природные катаклизмы или действия Высших сил. Каждая из данных разновидностей заслуживает

внимательного изучения, мы же обратим внимание именно на зомби-апокалипсис, то есть литературу о том, что ожившие мертвецы вредят живым, убивают их, вытесняют с планеты. Отметим сразу, что причины исключительной популярности данных сюжетов выделить достаточно сложно. Существуют лишь предположения, в числе которых даже неожиданные: «Увлечение “живым-но-мертвым”, скорее всего, свидетельствует о такой патологии, как некрофилия» [Порядин, 2009, с. 96]. Мы не думаем, что причины популярности жанра настолько патологичны. Скорее всего, дело в логическом конфликте между связанной с религией мечтой человека о возрождении после смерти и разумным осознанием того, к каким последствиям такое возрождение могло бы привести.

Зомби-апокалипсис изучается учеными А.А. Долгих [Долгих, 2013], А. Павловым [Павлов, 2013], А. Сандановым [Санданов, 2011] и др. в основном на материале кинофильмов, литературные же произведения, в особенности написанные отечественными фантастами, еще ждут своего исследователя. Материалом для данной статьи стали 40 рассказов двух сборников: «Зомби в СССР» (2010) и «А зомби здесь тихие» (2013), написанные как признанными мастерами жанра фантастики (Ю. Бурносов, В. Васильев, Л. Каганов, М. Кликин и др.), так и начинающими авторами (Д. Зарубина, М. Маскаль и др.). Для сопоставления был рассмотрен сборник американской зомби-фантастики «Когда мертвые оживут» (2013). Отношение отечественных фантастов к жанру зомби-апокалипсиса очень четко обозначили во введении составители первого из названных сборников С. Чекмаев и Ю. Бурносов: «После того, как всю литературу вокруг заполнили вампиры – сначала с легкой руки “Дозоров”, потом с нелегкой руки “Сумерек”, при виде сборника о зомби как-то даже становится легче дышать. В самом деле, почему-то именно эта категория давно, прочно и незаслуженно является обойденной российскими авторами» [Чекмаев, 2010, с. 5–6].

Цель статьи – выделить особенности современной отечественной литературы о зомби и, возможно, найти определяющие черты данного нового для российского писателя жанра.

Первое, что хочется отметить после ознакомления с рассказами: современные авторы произведений о зомби оказываются достаточно оптимистичными и гуманными, и далеко не во всех рассказах речь идет о конце света, закате цивилизации, полной победе восставших мертвецов. Напротив, «сборник переваливает уже за середину, а всемирного апокалипсиса и толп пожирателей мозгов еще нет» [Чекмаев, 2010, с. 7]. Таковы рассказы «Заклятие духов тела»

Л. Каганова, «Мертвые пашни» М. Кликина, «Дождь над Ельцом» Н. Калиниченко, «Лишний» С. Анисимова, «Третья смена» А. Давыдовой, «Дело о детском вопросе» В. Аренева, «Резня в петушатнике» М. Гелприна и Ю. Черных, «Посули мне все забыть» Е. Константинова и др.

Полон оптимизма рассказ М. Тихомирова «Смерть и Мендельсон», в котором люди просто научились оживлять мертвых без каких бы то ни было негативных последствий. В рассказах такого типа воплощаются идеи Н.Ф. Федорова, согласно которым «воскрешение – это долг сынов по отношению к отцам, он вытекает из самого природного существования человека» [Бренькова, 2010, с. 316]. В ряде рассказов оптимизм переходит даже в романтический идеализм. У В. Васильева в заглавном рассказе «А зомби здесь тихие», давшем название сборнику, инфицируются и становятся зомби только злые люди с *«намерениями кого-нибудь ограбить и чего-нибудь отнять»*. Добрые поселяне и путешественники в безопасности: *«Как только в человеке зреет готовность к худому делу, он начинает мертветь»*. Аналогична ситуация у В. Яценко, в рассказе которого случайно созданная людьми машина *«убивает всех, кто убивает, думает об убийстве или собирается о нем подумать»*. Мы видим здесь реализацию извечной, отраженной во всех основных мировых религиях мечты человека о неизбежности наказания за преступления и даже помыслы о них.

Положительное разрешение «проблемы ходячих мертвецов», в той или иной степени счастливый финал прогнозируется в рассказах В. Васильева, М. Гинзбург, Н. Батхен и др. Противостоят данному корпусу рассказов такие, в которых хорошего финала не предвидится и человечество обречено на вымирание, вытеснение зомби: «Мы – зомби» Л. Кудрявцева, «Корабль гурманов VS бетонный линкор» И. Минакова и М. Хорсуна, «Уберзольдат Аненербе» В. Лазурина, «Потрепанное очарование блондинок» А. Скоробогатова, «Летят утки» Ю. Бурносова и др.

Интересно проанализировать фантазируемые писателями причины оживления мертвых. Это вирус, созданный человеком и, как правило, случайно вышедший из-под контроля (В. Васильев, Л. Кудрявцев), древний биологический организм, обнаруженный в ледниках (С. Волков), инопланетный след (С. Анисимов), научные достижения, эксперименты, их прямые и побочные эффекты (А. Подольский, И. Скидневская и Ю. Мальт, А. Скоробогатов, М. Тихомиров, В. Яценко). Встречаются даже настолько оригинальные причины, что они реализуются только в одном-единственном

произведении. К примеру, в рассказе В. Аренева «Дело о детском вопросе» причина превращения в зомби Шерлока Холмса, по сюжету рассказа действительно умершего у Рейхенбахского водопада, – незаконченные дела, желание покарать преступников, завершить уничтожение шайки профессора Мориарти. В нескольких рассказах показано, что причина, в общем-то, и не важна (Ю. Бурносов, А. Куламеса, Ю. Погуляй и др.). Действительно, причина вряд ли может быть известна простым людям, сражающимся с монстрами. Да и не важна она, причина, когда надо действовать, выживать, драться.

Однако рекордсменом является такая причина обращения людей в зомби, как народная магия, колдовство (В. Бакунин, Н. Батхен, В. Венгловский, М. Гелприн и Ю. Черных, М. Гинзбург, Д. Зарубина, С. Игнатъев, Н. Калининченко, М. Кликин, Е. Константинов, Т. Томах, Ю. Южная), в том числе «научное колдовство» (В. Лазурин). Повидимому, таким образом отечественные фантасты стремятся противостоять западному зомби-апокалипсису, в котором основная, классическая, причина превращения людей в зомби – вирусы, созданные человеком и вырвавшиеся из-под его контроля.

Некоторых писателей озаботил выбор исторического антуража, и они разворачивают сюжет в декорациях прошлого или будущего. С. Игнатъев в рассказе «Листопад мортиарха» фантазирует в рамках альтернативной истории где-то в пределах русского средневековья, С. Анисимов в рассказе «Лишний» описывает события времен Великой Отечественной войны, а С. Волков («Ледяная симфония») изображает недалекое будущее (2048 год). Советские времена становятся историческими декорациями не только во всех рассказах сборника «Зомби в СССР», что естественно, но и в рассказах сборника «А зомби здесь тихие», например, у И. Вереснева в рассказе «Апатовский инцидент», у Д. Зарубиной («Нужен мне работник») или у М. Гелприна и Ю. Черных в рассказе «Резня в петушатнике». Желание вписать зомби в реальность Советского союза, скорее всего, вызвано стремлением сделать сюжет более парадоксальным, ведь именно в те времена мы не просто не представляли себе этих сюжетных схем, мы о них даже не знали.

Другие предпочитают антураж географический, вписывая сюжеты о зомби в нероссийскую действительность. Это могут быть реально существующие страны и города (Германия в рассказах В. Лазурин и А. Скоробогатова, Лондон в рассказах В. Аренева и Н. Батхен, Норвегия у И. Скидневской и Ю. Мальт и под.) и места, по-видимому, нереальные, о «ненашем» местоположении которых

можно судить по именам и названиям (М. Гинзбург, «Мертвецы и крысы»).

Старательное и, как правило, искусное конструирование исторических и географических декораций связано, по нашему мнению, с желанием авторов, ограниченных довольно жесткими жанровыми рамками, достичь стилистического разнообразия. Это еще один способ сделать повествование более оригинальным.

Встречаются и классические сюжетные схемы. К примеру, в рассказе И. Вереснева «Апатовский инцидент» произошел «случайный» выброс биоактивных веществ, люди заражаются от укусов, становятся кровожадными зомби, но армия пресекает распространение вируса, уничтожив всех. По классическим сюжетам построены также рассказы, в которых подвиг жертвующего собою одиночки спасает Землю (С. Волков, И. Скидневская и Ю. Мальт). Классическими могут быть также названы сюжеты, в которых описывается превращение в зомби зараженного человека. Ранка мала, о заражении еще никто не знает, люди спасают и защищают несчастного, но он-то уже изменился и начинает действовать (М. Маскаль, Ю. Погуляй).

Однако чаще наблюдается стремление к оригинальности в выборе сюжетной линии. Поиск необычного объяснения феномена зомби для российских литераторов вполне естественен и объясним. Они прекрасно знают, сколь огромный корпус текстов составляет литература зомби-апокалипсиса за рубежом, как разнообразно (и одновременно однообразно) тема обыграна кинематографом, и понимают, что «простые» сюжеты – это не для них.

Поиск оригинальности, желание удивить читателя неожиданным поворотом сюжета приводит к действительно интересным концепциям. Одна из них – повествование от лица самого зомби, попытка увидеть происходящее с другой стороны баррикады. В этих случаях авторы наделяют зомби вполне человеческими мыслями (*«Меня смыло волной за борт переполненной беженцами лохани. Долгое время я провел в воде, служа кормом для рыб»* (И. Минаков, М. Хорсун)) и желаниями, основное из которых, естественно, победить, пользуясь своими неоспоримыми преимуществами: живучестью, легкостью «ремонта» и под. Зомби, ведущий рассказ, может до определенного времени не знать, что он неживой, например, в рассказе «Уберзольдат Аненербе» В. Лазурина, но читателям даются вполне ясные текстовые подсказки: *«Не чувствую боли, только – как вибрирует грудь под ударами пуль»*.

Выясниться, что повествователь, от лица которого ведется рассказ, на самом деле – зомби, может и неожиданно. Такова концепция рассказа К. Каримовой «Ох уж эти зомби...», а в конце рассказа Л. Кудрявцева «Мы – зомби» герой произносит: «<...> *Уже готовились к предстоящим после отбоя процедурам, восстанавливающим наши мертвые тела*», и читатель понимает, что герой мертв и, борясь вроде бы с вирусом, на самом деле не собирается отдавать людям землю: «*Мы когда-то были людьми, но теперь являемся уже чем-то другим. Если удастся, мы со временем потесним человечество*».

Поиск оригинальных концепций приводит также к тому, что во многих рассказах зомби безобидны, не собираются причинять вред людям и классически есть их мозг. Ну, стали люди ходячими мертвецами, это ведь не значит, что они должны быть злыми и кровожадными: «*Остановился. Уставился на меня желтыми, ничего не выражающими глазами. Я для него была как та елка или столб – препятствие, которое нужно обойти*» (Н. Караванова, «Дом на кладбище»). В рассказе А. Золотко «Последняя просьба» мертвые просто оживают, начиная новый этап жизни, и, хотя рассказ посвящен описанию абсурдности воплощения древней мечты человека о воскрешении умерших родственников, сами зомби не злые и не добрые, а вот живые стремятся нажиться на их возвращении.

В целом ряде рассказов стремление авторов найти свой подход к классическому сюжету приводит к тому, что этически люди и зомби меняются местами. В рассказе И. Минакова, М. Хорсуна в ходе войны живые становятся людоедами, а мертвые подавляют свои инстинкты, питаясь овощными блюдами и гороховым супом, рецептом которого авторы весьма оригинально и заканчивают рассказ. У В. Яценко («Пасынок человечества») зомби спасают людей, а те, даже понимая, что мертвые безобидны и добродушны, убивают их. Д. Зарубина в рассказе «Тот, кто ест твой мозг» изображает профессора, который сумел оживить себя после смерти и продолжает преподавать медицину. Он гораздо гуманнее одного из своих нерадивых студентов, за несданный экзамен бросившегося на него с ножом. В рассказе Д. Казакова «День святой Милы» описываются далекие постапокалиптические времена мира будущего, и внезапно выясняется, что человеческая цивилизация за несколько столетий полностью деградировала, а вот зомби смогли выстроить вполне человеческое общество без зла, насилия и пьянства: «*А ведь создания зла <...> но при этом куда менее злобные, чем те же люди*».

То, что воскресшие лучше живых, совершенно не удивительно в контексте описанных выше религиозно-философских идей. Аналогична ситуация в рассказе К. Каримовой «Ох уж эти зомби...», где читатель постепенно начинает догадываться, что герой, ведущий повествование, и есть живой мертвец, а тот, кого он называет «зомби» – человек: *«Говорят, были эти зомби когда-то разумными, а сейчас выродились, одичали. А ведь раньше даже говорить умели. Слово зомби-то – из их языка. Живой мертвец значит. Это они нас так звали»*. В таких сюжетах звучит горькая ирония по поводу высокомерия человека, который чванливо гордится своей человеческой природой, а ее не так уж сложно потерять.

Естественно, рассказы сборника «Зомби в СССР» имеют некоторую специфику, обусловленную целевой задачей сборника – вписать сюжеты о зомби в контекст страны Советов. Отсюда и рассказ о студентах на картошке, восходящий, несомненно, к юношеским воспоминаниям автора (М. Кликин), и описание вурдалаков, потревоженных и пробужденных к жизни социалистическим строительством (А. Бачило), и фантазии на тему заповедной, дорогостоящей и весьма привлекательной для людей охоты на зомби (А. и Д. Голиковы, М. Маскаль), и постоянная апелляция к деятельности спецслужб, армии и милиции (Т. Алиев и М. Магомадов, С. Волков, Т. Томах и др.), и невозможность обойти вниманием период сталинских репрессий (А. Подольский). Одна из сюжетных линий – определение причины появления живых мертвецов как экспериментов по созданию дешевой и надежной рабочей силы. Зомби – прекрасные работники, им не нужно отдыхать, они не пьют горькую, не перекуривают, работают в любых условиях, их не нужно мотивировать и платить им зарплату. Проблема только в том, что эксперимент может выйти из-под контроля (А. Подольский, «Забывшие чертом»). Впрочем, подобные сюжеты находим и в сборнике «А зомби здесь тихие» в рассказах «Третья смена» А. Давыдовой и «Нужен мне работник» Д. Зарубиной.

В рассказах о зомби в СССР причинами появления живых мертвецов также чаще всего выступают магия и колдовство, однако здесь они тесно переплетаются с действиями представителей спецслужб и ученых закрытых НИИ, озабоченных вопросом обеспечения бессмертием партийных руководителей (С. Волков, «Генератор»; А. и Д. Голиковы «Территория бессмертных»), политикой и историей (Т. Томах, «Дорога через Ахерон») и под. Появление зомби вызвано разорением кладбищ, древних капищ, и,

самое главное, отсутствием веры: *«Беда, соколики, в том, что не веруете вы ни во что. Ни в дьявола, ни в советскую власть. Ни в Бога»* (Т. Томах).

Явно мастерство писателей, хорошее владение ими основами жанра хоррора. Многим авторам сборника «Зомби в СССР» (М. Кликин, Т. Томах) удается в начале рассказов создать ощущение напряженного ожидания. Расшифровывая полунамеки, обдумывая загадочные, необъяснимые факты, читатель вместе с героями удивляется непонятному, пытается догадаться о том, что происходит. Проявляется художественное мастерство и в описании боевых действий против зомби (А. и Д. Голиковы, Т. Алиев и М. Магомадов, А. Подольский и др.), и в описании собственно ужасов, когда писателю удается найти шаткий баланс между обязательными для жанра «ужасными» подробностями (они тоже присутствуют) и границами приличий. Большинство авторов понимают, что в жанре хоррора недоговоренность может оказать на читателя большее впечатление, чем ужасающие детали: *«Страшнее всего было в детском отделении [больницы – М.К.], но там и закончилось все куда быстрее»* (Ю. Бурносов).

Заслуживает глубокого психологического осмысления тональность большей части рассказов, повествующих о закате цивилизации, ужасающих событиях, связанных с появлением зомби и губительных для человечества. Эта тональность – спокойная и размеренная, показывающая, что люди смирились с произошедшими в истории их планеты необратимыми изменениями и мирно продолжают жить дальше. Таков рассказ «Дом на кладбище» Н. Каравановой, одни герои которого путешествуют по миру в чужих телах, пока их собственные умирают (*«Редко кто ходит по улицам не в виде биооболочки, а своими, природой данными, ногами»*), другие – пытаются помочь первым, спасти их, но все удивительно стабильны и спокойны, ведут размеренную жизнь, наполненную привычными действиями. Данный подход показывает, что писатели высоко оценивают способность человека приспосабливаться к происходящему, безропотно принимать изменения в своей жизни и существовании всей цивилизации.

Достоинством и размеренностью наполнены также описания подвигов простых людей: старика-одиночки в рассказе Т. Алиева и М. Магомадова, простых милиционеров и учащихся сельскохозяйственного училища в рассказе Ю. Бурносова: *«Будущие трактористы-машинисты широкого профиля поступили хитро. Сдержат лезущих в огромные окна первого этажа мертвецов они*

не могли, но на второй этаж училища можно было подняться только по широкой кованой лестнице, благо находилось оно в бывшей помещичьей усадьбе. Лестницу завалили учебными экспонатами – сеялками, веялками, культиваторами и прочей сельскохозяйственной фигней, в руки взяли длинные острые ножи от косилок. Набравшиеся опыта в драках район на район и деревня на деревню пацаны держались несколько часов, сбивая все новые волны покойников». Авторам словно интересно примерить костюм Милы Йовович простым людям – милиционеру, слесарю, школьнику, студенту, учителю истории и др. (А. Куламеса, «Хороший размен»).

Создается впечатление, что подвиг – нормальное состояние советского человека. Действительно, описание мыслей и действий слабака, подлеца, «гнилого» человека, выбирающего, столкнувшись с проблемой зомби, путь предательства, находим лишь однажды, в рассказе А. Подольского «Забытые чертом», один из персонажей которого лейтенант Олег *«рядиться героем не собирался»*. Остальным действующим лицам удается довольно быстро привыкнуть к новому положению вещей и начать совершать свои обыденные подвиги. В этом, как нам кажется, авторы рассказов о зомби в СССР невольно, возможно, незаметно для себя проявили огромную веру в душевные силы советского человека, сформированную бесконечными подвигами, совершаемыми им в течение десятилетий: участием в великих стройках, противодействием культу личности Сталина, победой в Великой Отечественной войне, подъемом целины и др.

Итак, основная мотивирующая сюжетные построения черта отечественной литературы о «живых мертвецах», о зомби – стремление российских авторов быть оригинальными, желание создать свой особенный корпус текстов, не повторяющих широко распространенные западные образцы. С этим связано предпочтение в выборе такой причины зомби-апокалипсиса, как народная магия, колдовство; создание фантазийных миров, в которых зомби – вполне мирные создания, не причиняющие вреда людям и даже этически превосходящие их; стремление к изображению не всемирной катастрофы, а частных случаев «превращения»; спокойная, обыденная тональность повествования; разнообразие исторического и географического оформления сюжетов и другие особенности.

Мы считаем, что современная российская литература о зомби – вполне оформившаяся и своеобразная жанровая разновидность отечественной и мировой апокалиптической литературы. Причем ее достоинство состоит не только в том, что она, как и вся современная

фантастика, привлекает к книге современную мало читающую молодежь. К достоинствам стоит отнести также оригинальность сюжетных построений, высокое писательское мастерство авторов, удачно реализованную интенцию отличаться от западных образцов жанра, найти свой путь в новом для нашей литературы жанре. Своеобразие жанра зомби-апокалипсиса в русской литературе во многом определяется особой ролью идеи воскрешения в русской философии и культуре.

Литература

Бальжинимаева Н.Ч.Ж. Рождество и пасха как основа христианского мировоззрения // Православие и дипломатия в странах азиатско-тихоокеанского региона. Улан-Удэ, 2015.

Бренькова А.С. Понятие воскрешения в философии Н.Ф. Федорова // В мире научных открытий. 2010. № 6-2.

Долгих А.А. Модификация кинообраза «зомби» в современной философии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (133).

Павлов А. Телемертвецы: возникновение сериалов про зомби // Философско-литературный журнал Логос. 2013. № 3 (93).

Панцхава И.Д. О смертности и бессмертии человека. М., 1965.

Порядин И.А. Конец света как мечта, или Синдром апокалипсиса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 67.

Санданов А. Зомби-апокалипсис // Искусство кино. 2011. № 5.

Трубников Н.И. Проблема смерти, времени и цели человеческой жизни (через смерть и время к вечности) // Философские науки. 1990. № 2.

Федоров Н.Ф. Философия общего дела. В 2-х тт. М., 2003.

Чекмаев С., Бурносов Ю. Цельтесь в голову. От составителя и главного идеолога // Зомби в СССР. Контрольный выстрел в голову. М., 2010.

Шалавин А.О. Анализ проблемы практического бессмертия и ее решения в контексте идеи «воскрешения отцов» (патрофикации) Н.Ф. Федорова // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2014. Т. 17. № 4.

Юрина Н.Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева (Соловьев и Яровский) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4.

Яковлев М.В. Русский символизм второй волны и апокалипсис // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27.

Список источников

А зомби здесь тихие. М., 2013.

Зомби в СССР. Контрольный выстрел в голову. М, 2010.

Когда мертвые оживут. М., 2013.